

ПОЛЕМИКА

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

Недавно утверждённые "Основы государственной культурной политики" могут стать документом в стиле протокола о намерениях или же положить начало чуть ли не новой культурной революции в России.

Они по замыслу возвращают государство в культуру. Оптимисты могут прийти к вы-

Увы, художественная литература, правофланговая национальной культуры, была с 1991 года и остаётся пацарницей федеральных властей. Это сказалося на падении общей культуры населения, особенно молодёжи. Приобрели ускорение нравственное разрушение и атомизация общества, разьедаемого навязыванием агрессивного индивидуализма, отказом от оправдавших себя народных традиций и чаяний, пропагандой обогащения любым путем и безудержного потребительства.

Год литературы, судя по набору мероприятий оргкомитета, сыграет свою роль в пропаганде художественной литературы, но не переломит ситуацию. До нынешнего практически полного отделения литературы от государства, нравственности и духовности народа, позорного социального и профессионального бесправия в нашей стране литературное дело никогда не доходило. Литература в России всегда была важнейшим государственным делом. Отнюдь не fiction, выдумкой, как на Западе. Беда наша в том, что забота о литературе была излишней и даже карательной. Николай I считал себя редактором Пушкина, а при Сталине забота о писателях заключалась в присуждении премии имени вождя, а также в том, что кому машину и дачу в Переделкино, а кому десять лет без права переписки.

Колоссальный урон нанесла коммерциализация литературного дела, совместимая с подлинной художественной литературой так же, как гений и злободневность. Она породила прослойку любителей литремесленничества, пекущихся литбиллиона на потребу публике. Бывает, что в пекарнях без устали трудятся таблары на раскрученный бренд, обладателю которого выдают на гора по новому роману чуть ли не ежедневно. Незыскательный читатель, точнее читщик, нуждается в чтиве, как наркоман в новой дозе. Литературный процесс превратился в книжный сель, который погребает в своём неужеримом потоке произведения настоящей литературы.

Ещё два-три десятилетия тому назад у нас были высокопрофессиональные литературные критики, придирчивые следившие за новинками, они отслеживали литературный процесс, ожесточенно спорили друг с другом. Оценивали творчество писателей, были для читателей локманами в книжном море. Ныне критика в упадке: толстые журналы малотиражны, газеты редко печатают рецензии на новинки, поскольку коммерциализация считает их рекламой. Читатель иногда

воду, что пришло, наконец, осознание того, что культура — фундамент, несущая конструкция, основа основ народа и государства. Тут и Год культуры, и Год литературы...

Но пессимисты скажут, что первый год ничем не ознаменовался существенным, также протекает и судьба второго года, который вообще-то год Козы.

обращает внимание на победителей всевозможных конкурсов, но это нередко кривые зеркала, с помощью которых литгруппы радуют за своих человечков. Госпремии сведены до минимальнейшего размера и присуждаются не за произведения, а за общие заслуги — по одной шутке в год.

Задумывались ли в наших верхах о том, как можно в нынешних условиях профессиональному писателю, хорошему, как принято оценивать, прокормить себя и свою семью на литературные заработки, если приходится издавать книги за свой счет или на деньги спонсоров тиражом 500-1000, максимум 2000 экземпляров? О том, что у писателя-литератора нет абсолютно никаких трудовых прав, его профессия даже не упоминается в Трудовом кодексе? Что он не имеет права болеть, поскольку больничный лист ему никто не оплатит? А как литературным трудом при нынешних порядках заработать пенсию?

Не задумывались. Вот что пишет в "Российской газете" В.И. Матвиенко, третий человек в государстве: художнику "не стоит жаловаться, что его книги не покупают и не читают, фильмы не смотрят, государственным грантами и заказами обходят. Это ведь не результат запретов и гонений, а следствие оценки его творчества обществом и государством". Странное заявление, не имеющее никакого отношения к реальному положению дел.

Между тем ситуация с профессиональным писательским сообществом печальна. Никогда единый и мощный союз писателей не только в масштабах бывшего СССР, но и в России, распался, к прискорбию, в основном по мировоззренческим и эстетическим пристрастиям. И чиновник победил писателя. С нынешними союзами писателей государство строит отношения на основе закона об общественных объединениях, благодаря которому они приравнены в правах, скажем, с коллекционерами пивных крышечек. Сделано это для того, чтобы писательские организации даже помыслили не могли о государственной, прежде всего финансовой, помощи. Но позволить, союзы писателей, прежде всего, профессионально-творческие объединения, то есть своего рода профсоюзы с внушительной производственной составляющей: издательствами, газетами, журналами, домами творчества, поликлиниками и т.д. Так было до переворота в 1991 году. С тех пор писательское имущество продано, приватизировано, разворовано.

Полтора десятилетия в Госдуме муржится закон о творческих союзах.

Мне приходилось много лет тому назад писать о его полной несостоятельности ("По заветам Козымы Прутков", ЛГ. №15, 2001 г.). С тех пор законотворческая мысль здесь временами обострялась, но не привела к принятию закона. В чиновных литвсиях недавно завитало предложение союзы писателей упразднить, а на их руинах создать некое литературное общество. Но хрен, как известно, редьки не слаще. Особенно когда шло меняют на мыло. Суть в содержании, а не форме.

Причина в том, что выправлять положение с культурой надо с решения

Год Козы или Литературы?

проблем правового и социального положения творца. Это самое слабое место в отношении государства к культуре, в том числе и к литературе. Чтобы решить эту проблему, закон в таком случае мог бы называться "О правовых и социальных гарантиях свободного художественного творчества в Российской Федерации". Закон, который бы регламентировал отношение государства и организаций, использующих произведения (издательства, СМИ, театры, студии, салоны, агентства, торговлю и т.д.), с творцами, включая в их число и участников художественной самодельности и самодельности авторов, поскольку в их среде делают первые шаги будущие мастера. Закон этот должен быть не рамочно-отсылочный, а конкретный и объемлющий все моменты творческой жизни художественной интеллигенции.

Поскольку творец — первичен, а творческий союз — вторичен, то по логике следующим законодательным актом должен быть закон, скажем, "О профессионально-творческих объединениях художественной интеллигенции в Российской Федерации". Важно отразить в нем, кто имеет право вступать в такое объединение, именоваться профессиональным творцом, поскольку в последние десятилетия союзы писателей понижали профессиональную требовательность, соответственно повышая вступительные взносы. Поэтому при организации новых объединений или реорганизации союзов писателей не обойтись без творческой аттестации с целью очищения от случайных людей. Чтобы избежать ошибок при чистке рядов, можно было бы возродить институт кандидата в члены творческого объединения — когда-то в СП СССР были кандидаты.

Принципиально важно отразить в законе положение, что творец делегирует часть своих профессиональных и социальных прав творческому объединению, а также то, что оно, назови его союзом, ассоциацией, обществом, гильдией или либо еще как, является, с одной стороны, профсоюзно-творческой организацией, а с другой стороны, производственно-творческим объединением. И обе его ипостаси должны помогать творцу создавать наиболее

благоприятные условия для творчества, публикации, исполнения или иной реализации его произведений.

Как ни прискорбно, именно коммерциализация уничтожила материальную базу литературного творчества. В лету канули ставки авторского гонорара, автор абсолютно бесправен, если ему вздумается получить какие-то деньги у издателя. Вспоминаются слова Шолохова: "Все мы пишем кровью своего сердца...". Так вот за эту "кровь" приходится автору платить, чтобы донести свое произведение до читателя.

Александр ОЛЬШАНСКИЙ

Это всё равно, что защитника Отечества заставить платить за кровь, пролитую им на поле брани, — писатели, если они, разумеется, настоящие, тоже стоят на защите Отечества, его духовности, культуры, чести и достоинства. В том-то и дело, что настоящих писателей, подлинных мастеров слова, профессионалов, уравнили с любителями и графоманами, обуреваемыми патологической страстью к сочинительству.

Членство в творческих объединениях как раз и должно отделить мастеров слова от среды сочинителей-любителей. Пусть графоманы издаются за свой счёт, но профессиональный писатель должен обязательно получать деньги за свой труд. Но для этого надо осуществить целый комплекс мер, прежде всего, законодательных. Необходимо принять закон о фондах художественной интеллигенции, в том числе о Литературном фонде. До сих пор действует постановление СНК СССР, принятое в тридцатых годах, об отчислении из фондов авторского гонорара за использование произведений, но требовать исполнение такого ветхого акта равносильно тому, что выставить себя на всеобщее посмеишце. В Польше в условиях кризиса в восьмидесятых годах прошлого века нашли мудрое решение: приравняли оплату за один авторский лист (для тех, кто забыл: в прозе это 40 000 авторских знаков, в поэзии 700 стихотворных строк) к средней месячной заработной плате квалифицированного рабочего.

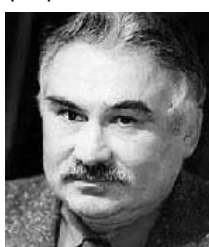
А почему нам нельзя использовать этот опыт, приравнав ставку оплаты к средней заработной плате в регионе?

Представляю, какое недовольство вызовет это предложение среди московских и питерских издателей, не очень-то обласканных столичными властями! Многие регионы помогают писателям, учреждая стипендии и гранты на создание произведений, как и в советское время финансируя издания книг земляков, даже предоставляя писателям квартиры. Но этим не отличаются обе столицы — слишком много завелось в них пишущей братии?

Вот тут свою роль мог бы сыграть обещанный Путиным фонд. Вместе с

восстановленным и модернизированным Литфондом путинскому фонду не составило бы особого труда компенсировать издателем расходы по выпуску книг писателей-профессионалов.

Вполне вероятно, что на заботу о духовном здоровье хватало бы нескольких процентов, а может, всего одного процента от выделяемых средств на олимпиады, универсиады, чемпи-

онаты — ведь в здоровом теле должен быть здоровый дух!

Без государства невозможно решить проблему распространения книг. Неплохо бы возродить некое подобие мощной "Союзкиниги", знаменитой своей вездесущностью. Определить преференции для торговли художественной литературой для Роспотребсоюза, Военной книги, Транспортной книги... Ведь книжные магазины платят такую же арендную плату, что и гастрономы! Возродить финансирование книжных серий, предназначенных для библиотек, прежде всего школьных и других учебных заведений.

В СССР только профсоюзных библиотек было около 300 000, сколько из них уцелело? Без государственного патронажа, прямо скажем, не увеличить тиражи, не добиться самоокупаемости книг. При этом надо вспомнить, что книготорговая надбавка в советские времена равнялась всего 25-ти процентам от себестоимости издания, и книготорговцы тогда жили и не тужили. Сейчас они в среднем умножают себестоимость на коэффициент 2,8, а это 280 процентов. Потому что с мало-серийными изданиями возни много, а навару — кот наплакка.

Принцип отношения государственных структур к творцам "Пусть расцветают все цветы, но поливать мы будем те, что нам нравятся" имеет право на жизнь только до первой запятой. Всё остальное — чиновничье самоуправство и от лукавого.

Потому что финансовое поощрение творцов со стороны министерств и ведомств — это проявление власти чиновничества над творцами, наихудший и самый несправедливый вид дискриминации творческой интеллигенции, приводящий к делению её на "плохих" и "хороших", "приближённых" и "чужих"...

Задачей государственных структур, думаемых, является создание наиболее благоприятных условий для "всех цветов", а всё остальное лучше всего доверить творческим организациям. Поэтому фонды "поддержки" у министерств и ведомств для пользы дела следует упразднить, а освободившиеся средства направить творческим союзам или библиотекам, где ещё не так

давно "благотворительствовал" фонд Сороса...

Нуждается в расширении сеть специализированных государственных издательств — путём воссоздания центров издания детской, молодёжной, спортивной книги. В значительном расширении деятельности нуждается флагман отечественного книгоиздания — издательство "Художественная литература".

Есть резон задуматься об учреждении Государственного литературного агентства. Литературное агентское дело в стране со времен Всесоюзного агентства по авторским правам не получило надлежащего развития. Писателю сложно найти профессионального агента, который бы пресекал пиратское использование его труда на бесчисленных сайтах в интернете, в различных изданиях.

Со своей стороны литагент, чтобы выжить, должен сотрудничать лишь с самыми раскрученными авторами, не трата свои средства на рекламу, продвижение произведений за рубежом, поскольку это довольно затратное удовольствие требует специфических знаний и серьёзного опыта ведения таких дел.

В данном случае речь идёт не о регистрации агентства в виде ВААП-2, а в переосмыслении агентской деятельности в нынешних условиях и отбора для использования лучшего опыта из прошлого. Государственное агентство могло бы закупать заслуживающих того произведения у авторов и их наследников для последующего использования в СМИ, издательствах, театрах, кино- и видеостудиях...

Примером тут могут служить закупки государственным музеями произведений художников и скульпторов. Сам факт наличия копията такого агентства был знаком качества. Что чрезвычайно важно, если иметь в виду размежевание настоящей художественной литературы и низкопробного чтива. Не сомневайтесь, что деятельность госагента со временем будет весьма рентабельной.

Для финансирования затратных проектов художественной интеллигенции, в том числе литературно-издательских, давно необходим Авторский банк. Но не коммерческий, а с государственным участием и в значительной степени спонсорский. У нас нет единого закона о пожертвованиях на нужды отечественной культуры, искусства и литературы, о правах и льготах спонсоров — откуда же новым Третьяковым и Сытинским взяться?

Недавно принятый закон "О меценатской деятельности" слишком общ и вряд ли вдохновит какого-нибудь предпринимателя оказать конкретному писателю помощь в издании книги.

Короче говоря, созрело время для разработки и принятия "Кодекса законов о художественном творчестве в Российской Федерации".

Тут председателю оргкомитета по проведению Года литературы, он же председатель Государственной думы РФ С.Е. Нарышкин, и флаг в руки.

Очень часто писательское молчание подаётся в общем христианском контексте молчания. Дескать, в молчании — исключительно смирение, молитвенная сосредоточенность и заслон всяким прочим бесовским многоумудростям.

Многоглаголение, этот антипод "благоразумного молчания" Иоанн Лествичник определяет как "признак неразумия, дверь злословия, руководитель к смехотворству, слугу лжи, истребление сердечного умения, призвание уныния, предтечу сна, расточение внимания,

Андрей КАНАВЩИКОВ

истребление сердечного хранения, охлаждение святой теплоты, помрачение молитвы".

И всё бы ничего, только вот ремесло писательское именно и заключается в "многоглаголении". В том, чтобы посредством творческого акта

больше говорить.

Не могу молчать, но и говорить больше, чем призван сказать, — не выхожу!

И здесь ровным счётом нет никакого вопиющего противоречия и разлада. Даже с точки зрения христианской. Любые наши способности и умения, если они серьёзные и глубокие, делегируются человеку Творцом. Писатель лишь от себя реализует те таланты, которые не вправе закапывать.

Или вспомнить так называемое творческое молчание Джерома Дэвида Сэлинджера. Который, действительно, с 1965 года, с повести "Шестнадцатый день Элпвора 1924 года" и до своей кончины в 2010 году перестал публиковаться.

Вроде бы налицо именно то самое бореие с бранными словесами, которые ещё не оформились в некое Слово. Некое молчание, которое само выступает творческим актом. Этакое писательское Слово в форме произносимой в паузы. Сэлинджер в телефонном интервью "Нью-Йорк Таймс" сказал в 1974 году:

"Когда перестаёшь публиковаться, в душе

Ну, не может пишущий писать "для себя", поскольку талант — не его личное приобретение и не он решает, где, когда и куда его закопать. Писатель призван Творцом формулировать Слово и только если он его сформулировал, он обретает право на потенциальное молчание, точнее — на паузу. "Потом", а не "до"!

Писатель своим многоглаголением вымалывает себе право у Творца хоть иногда промолчать. У кого-то это получается, часто из пишущих кто-то просто нелепо молчит, как двоечник у доски, знающий, что открыть рот — расписаться в незнании окончательно. Кто-то молчит, как ловкий редактор из романа Золя "Карьера Ругонов", прицелившийся руку дверью, чтобы нынчить руку на привязи и выждать время. Но суть неизменна: писательство изначально не строится на служении молчанию (в христианской трактовке понятия).

Писатель рождён для многоглаголения. Он обязан служить Творцу своими Словами. Он не вправе даже лично определять, удачно или нет, верно или нет сформулированное им Слово.

То, что сейчас представляется очень удач-

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо звать архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе

любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять проблемы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окупаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется

в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Друзья по живому следу
Пройдут твой путь

за пядью пядь,
Но поражения от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

На снимке: Ещё один русский нобелевский "ватник" — Борис Пастернак. Правда, здесь сам ватник завис, видимо, на заборе — жарко...

Соблазн молчания

явить новое качество мысли или художественного образа. Писатель именно и призван к тому, чтобы иметь орудием и средством своего труда ни что иное, как Слово.

Умело или не слишком, но писатель, будучи образом и подобием, подражает своему Творцу, и его бытие возникает только при непосредственном участии Слова. Нет факта Слова — нет факта писательства. В молчании рождаются исихасты, благочестивые монахи и миряне, не рождаются лишь писатели.

Хрестоматийный случай, о статье Льва Толстого "Не могу молчать". В 1908 году её распространяли на гектографе, переписывали от руки, этот срывающийся волнующийся голос звучал поистине набатом. Цитата по одному из вариантов текста:

"Нельзя и нельзя так жить. Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу, не хочу и не буду. Затем и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне её, чтобы или кончили эти ужасные нечеловеческие дела, или кончили бы я, или посадили меня в каменный мешок, где бы я чувствовал, что не могу ничего сделать, или лучше всего (так хорошо, что я не смею мечтать о таком счастье), надели бы на меня, на 21-го или 21001-го — саван, колпак, и так же стлкнули с скамейки, чтобы я своей тяжестью затянул на своём старом горле петлю".

Писатель пренебрег советом и соблазном молчания. Возможно, повредив грубой публицистикой процессу личного духовного совершенствования. Зато в неизменной целостности оставил роль писателя как носителя новых, рождающихся здесь и сейчас, явлений.

Лев Толстой честно и дотошно, на манер летописца, заглянул в собственную душу, как в зеркало, рассказал о том, что увидел, и Слово писательское стало его делом, его воплощённым отражением текущего бытия. Писатель не мог промолчать, поскольку молчание противоречило бы процессу рождения Слова.

При этом, писательское многоглаголение вовсе не является чем-то заведомо противным Божественному стремлению души человеческой к личному спасению молчанием. По словам секретаря Толстого Николая Гусева, чувства так переполняли писателя после прочтения газет о фактах повешений, что, сказав несколько фраз в фонограф, он не мог

воцаряется мир. Покой. Тишь. Публикация — это грубое вторжение в мой внутренний мир. Мне нравится писать. Я люблю писать. Но пишу я только для себя и собственного удовольствия".

Вроде бы искренне человек говорит. Вопрос, однако, в том, что само молчание писательское становится чем-то исключительным лишь после предыдущего многоглаголения. Молчащий Сэлинджер после феноменальной славы романа "Над пропастью во ржи" — это одно. Но где был бы Сэлинджер с его молчанием, не имей в его творческом багаже "Над пропастью во ржи"?!
Даже писательское молчание, таким образом, всецело вырастает из Слова. Молчание не от того, что сказать нечего, а молчание из переизбытка уже сказанного, из выполнения программы Творца по созданию нового мира. Как сказано в Книге Бытия: "И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал".

То есть не принципиальное, абсолютное молчание, отсутствие Слова, а молчание как "день седьмый", время подведения итогов, время осмысления уже произнесённого Слова. Молчание Сэлинджера после "Над пропастью во ржи", молчание Толстого, после того, как в окрестное пространство он выдохнул "Не могу молчать".

Или взять молчание совсем близкого нам современника Валентина Распутина. Который держал паузу в последние годы жизни, и чем дольше затягивалась пауза, тем нестерпимее становилось отсутствие его нового Слова.

Это чёткое разграничение между христианским понятием молчания и паузой между Словами сразу же прозвучало в прощании, опубликованном от имени Союза писателей России: "Мы все с нетерпением ждали каждую его новую книгу, мы были благодарными зрителями спектаклей и фильмов, созданных по его драгоценным произведениям. В его Слово вслушивались вся совестливая Россия".

Уж, казалось бы, как близко на поверхность лежит искушение подменить паузу между Словами и абсолютным молчанием! Только вот при здоровом и спокойном размышлении вся эта кажущаяся путаница — лишь морок, дымка, небрежность терминологии.

ным и точным, завтра может восприниматься лишь как маловразумительный опыт. То, что сейчас тревожит, завтра может не вызвать даже вторичных ассоциаций.

Место Александра Блока в прижизненном рейтинге — одиннадцатое. Главного редактора "Нового мира", писателя и генерального секретаря Союза советских писателей Владимира Ставского, от которого равно трепетали Шолохов и Мандельштам, знают сейчас лишь узкие специалисты.
Писательское многоглаголение, таким образом, есть и миссия, и проклятие писателя. Миссия, когда произнесённое Слово даёт право на последующее молчание. Когда Шолохов мог молчать, сколько угодно после "Тихого Дона" и всё равно все знали, что пауза не затягивается. Когда Сэлинджер примерял тогу отшельника и чем активнее он её примерял, тем сильнее у него просили интервью и выискивали нечто "неопубликованное".

И, наоборот, писательство может быть проклятием, если человеческое существо, стремящееся в жажде совершенствования к Божественному молчанию, взрывает изнутри фальшивые слова, так и не ставшие Словами. Когда многоглаголение так и остаётся многословием, не побуждая к последующему действительному глаголом.

Проклятие, когда писателю банально приходится молчать, находясь на голодном пайке редких книг и не более редких публикаций. Проклятие, когда произносимое находится в явном родстве с молчанием, не становясь Словом.

Как говорил Иоанн Лествичник: "Благоразумное молчание есть матерь мыслей, воззвание из мысленного пленения, хранилище Божественного огня, страж помыслов, соглadyт врагов, узилище плача, дур слёз, даять памяти о смерти, живописатель вечного мучения, любобиспытатель грядущего суда, споспешник спасительной печали, враг дерзости, безмолвие супруг, противник любопытства, причащение разума, творец видений, неприметное предупреждение, сокровенное восхождение".

Но, во-первых, таковым является не просто молчание, но "благоразумное молчание". А, во-вторых, молчание никогда не следует путать с паузой между Словами. Особенно писателям.

КОЛОНИАЛЬНОЕ

Реву болотной выпю, Как птица, ранен влёт. Хотел бы утром выпить, Да совесть не даёт.

Своим ославят знаменем И внуков, и детей. А ей поставят памятник С той пилкой для ногтей...

Пусть, выполняя Ельцина заветы, Они сумеют многое успеть — В общественных свободных туалетах

И к нам тогда запросится Обама...

Общественность в агонии, А я — за свой уют.

Васильевой в колонии Чего-то не дают!

Не лезть бы ей в бутылку, Другой на зоне сурь. А ей вот надо пилку, Чтоб сделать манижор.

А ей матрац бы новый, — Вокруг одно ворьё... И вылезают снова Защитники её.

И будут те, которые (Там каждый — не протак), Перевернув историю, О пилке скажут так:

Мол, были в том процессе, Насилуя народ, Ужасные репрессии Душителя свобод.

И даму нашу милую За либеральный труд Враз реабилитируют И пенсию дадут.

по одному поводу

Не нужно постамент

Их на Руси —

Я предлагаю

именем Немцова

Назвать известный город

Вашингтон.

На радость либеральной

нашей горстке

Подарим им

счастливым этот миг.

И пусть там будет

площадь Новодворской,

И встанет

Макаревича тулик.

Добавят к "М" и "Ж"

ещё и "П",

Любую разрешат вокруг

рекламу,

Устроят в телевизоре

скандал,

И к нам тогда

запросится Обама,

Который даже снега

не видал.

Который "Приму"

не курил на кухне

На самом центре

жизненном Земли.

И доллар рухнет.

Доллар точно рухнет.

Они его не смогут поделить.